

ВАЛЕРИЙ КИРИЛЛОВ

“СОЛДАТЫ УХОДЯТ, СРАЖАЯСЬ...”

К 85-летию Ивана Васильева

В конце апреля 2006 года позвонили мне из литературно-художественного музея Ивана Афанасьевича Васильева, который находится в селе Борки Псковской области: “Праздник фронтовой поэзии будет третьего мая. Приезжайте...”

И вот – раздолбанная трасса Москва-Рига, которая с первых километров повергла меня в уныние. Окрест проплывали скособооченные избенки умирающих русских деревень. Думалось: “Сколько горя досталось этой земле! И в минувшую войну, когда, встречая ожесточенное сопротивление наших войск, танки фельдмаршала Гота рвались к сердцу России. И теперь горя не меньше, когда приплясывающие под западную дудку российские либералы ведут свои разрушительные “реформы”. Вот результат этих “реформ”: ни клочка озими, ни какой-либо новостройки, ни единого трактора или даже просто работающего на земле человека не увидел я на протяжении двухсот километров ни в Андрепольском, ни в Западнодвинском, ни в Торопецком районах Тверской области. В сердце России...

Тысячи гектаров русской земли скуплены московскими и питерскими дельцами с нерусскими фамилиями. Наш же крестьянин либо влачит жалкое существование в созданных на скорую руку и практически лишенных государственной поддержки АО и СПК, либо вынужден идти к нуворишам в батраки. Такова “свобода”, которую принесло на нашу землю правление недоброй памяти президента Ельцина. Она-то, эта “свобода”, и проплывала перед моими глазами, убеждая, какой страшной бедой оборачивается для России отчуждение человека от земли и власти от человека – то, против чего предостерегал Иван Афанасьевич Васильев.

Родился Иван Афанасьевич 21 июля 1924 года в деревне Верховино, что на Псковщине. “Название – то ли от верхних овинов, то ли от верховины – высокого места в лесу. Стояла она на взгорье у кромки леса, у слияния двух невзрачных ручейков, которых уже нет, и люди помоложе меня их не знают”, – пишет он в повести “Земля русская”. Работать Иван Васильев начал с шестнадцати лет – учителем математики и истории в Шиловской средней

КИРИЛЛОВ Валерий Яковлевич родился 20 сентября 1946 г. в г. Андреаполе Калининской области, окончил факультет журналистики ЛГУ в 1974 г., работал редактором районной газеты в г. Нелидове, затем редактором областной молодежной газеты “Смена”, заместителем председателя Тверского областного телерадиокомитета. Был главным редактором тверской областной газеты “Тверская жизнь”. Народный депутат РФ в 1990–1993 гг. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры России, лауреат премии Союза журналистов России. Автор двадцати книг прозы и публицистики.

школе Ашевского района Калининской области (ныне Бежаницкий район Псковской области). Одновременно поступил на заочное отделение Невельского педагогического училища. Спустя два года – война. Воевал Иван Афанасьевич на Калининском фронте, а с 1944 года служил в Закавказье. После демобилизации работал директором Горской семилетней школы, директором детского дома в селе Глембочино Себежского района и продолжал учебу в Великолукском учительском институте.

С 1955 года Васильев – заместитель редактора в себежской районной газете “Призыв”. Затем его направляют на учебу в Ленинградскую высшую партийную школу. Окончив ее, Иван Афанасьевич получает назначение в Валдай Новгородской области редактором районной, а потом межрайонной газеты. С 1963 года он – собственный корреспондент “Калининской правды” по Ржевскому и Зубцовскому районам. “В областную газету “Калининская правда” я пришел – так я считал – уже сложившимся журналистом, по крайней мере, со своим почерком, – вспоминал Васильев. – Там я нашел великолепный творческий коллектив. В редакции витал дух хорошего соревнования, там умели ценить авторскую находку и не забывали искренне и душевно похвалить...” Работа собором стала для него взлетной полосой на пути к творческому признанию.

В 1972-м, когда имя публициста приобрело известность на общероссийском уровне, вышла его книга “Путешествие с книгой в рюкзаке”, рассказывающая о фронтовых дорогах писателей. В это время болезнь надолго уложила Васильева в больницу. С областной газетой пришлось расстаться. Следуя совету врачей, Иван Афанасьевич поселяется в расположенной на берегах Волги и Держи деревеньке Усть-Держа. Позже он напишет: “Усть-Держа... светлое и печальное время мое... Если к душе человеческой применимо философское выражение “качественный скачок”, то именно здесь совершился переход в новое ее состояние”.

В конце семидесятых Иван Афанасьевич возвратился на псковскую землю. “Придя с войны, я возмечтал о своем доме. Молод был, не знал, что дом поставить – это жизнь устроить... Я был крестьянским сыном, и жила во мне тяга к оседлости...”, – поведал о своей мечте Васильев в очерке “Хвала дому своему”. В Борках он ее осуществил – поставил ничем не отличающийся от деревенской избы дом. Удивляя односельчан талантом столяра-краснодеревщика, мебель для него смастерил собственными руками. Здесь, в этом доме, рождаются двадцать четыре книги Ивана Афанасьевича. Здесь создает он картинную галерею, литературно-художественный музей Великой Отечественной войны, наконец, в 1991 году – “Дом экологического просвещения”. Отсюда отправляется он в поездки, собирая материал для новых своих трудов. Тысячи километров дорог за его спиной, бесчисленное количество встреч на сельских проселках, в столичных коридорах власти, редакциях газет, журналов. И как результат – новые очерки, статьи, повести, рассказы.

“Работоспособность нашего Ивана (так мы стали звать его между собой) поражала, – вспоминал в книге “На русском направлении”, в прошлом главный редактор журнала “Наш современник” Сергей Викулов. – Однажды я сказал ему об этом. “Да, пишу быстро, – ответил он, – но долго обдумываю”. Что означало это “долго”, я не уточнил, но наверняка не месяцы и даже не недели, иначе откуда бы все это бралось... “Секрет” его плодовитости, как я понял, был прост: он жил тем, что писал. Ему не требовалось, как это было модно в среде писателей-горожан, ездить в творческое командировки, изучать жизнь... А, кроме того, не мной первым подмечено: талант – это не только хорошо, но и много”.

Определенную роль играло, видимо, и настроение. А оно у Ивана Афанасьевича с обретением нового “дома” – журнала “Наш современник” – было прекрасным. Здесь его всегда ждали, печатали почти с листа.

Спору нет, среди публицистов Васильеву в перестроечное время не было равных в мастерстве, глубине проникновения в проблемы русской провинции. Для многих из нашего брата он был примером. Мне довелось участвовать в “круглом столе”, организованном в Борках журналом “Журналист”. Присутствовали и тверские газетчики. Помню, с какой жадностью ловилось участниками “стола” каждое слово Ивана Афанасьевича. Говорил он доходчиво, убедительно, хотя, как и всякий талант, мучился, сомневался. Понимая, что жить, как раньше, нельзя, он не принимал и происходящую ломку всего и

вся, когда, вместе с тем, что, действительно, себя изжило, на свалку истории бездумно или злонамеренно выносилось то, без чего жизнь представлялась невозможной, когда попирались наши национальные традиции, наша коллективистская мораль. Думаю, именно поэтому в большинстве публикаций Васильев как бы останавливался у черты, которую иные горячие головы перескакивали безоглядно. У черты, за которой шла речь о купле-продаже земли.

Крестьянский сын, многое в жизни познавший и осмысливший, он понимал, насколько это болезненный вопрос. Его не решишь указом сверху. Психология людей ведь не меняется сообразно указам, а опирается на предыдущий опыт, на прожитое и пережитое. Эта мучительная, побуждающая к переосмыслению минувшего и настоящего двойственность отчетливо прослеживается в героях его крестьянских повестей из посмертной книги “Завещание” – безвременно ушедшим из жизни руководителем Великодворского райкома партии Озерове и сменившим его на этом посту Котове, председателе колхоза Платонове, механикаторе Куликове, редакторе “районки” Уткине, профессоре Дубровском.

Иван Васильев по-сыновьи оберегал родную землю. “...Я люблю эту землю, – признавался он. – Неброскую березовую страну. Тихую мою Родину. Я люблю на ней все: грустные околицы деревень, грязные большаки и звенящие при первом морозце тропинки, серое чернолесье с багряным листом и затяжные дожди, голубые озерные дали и нивы-рушнички. Я люблю ее людей, трудолюбивых, радушных, отважных”.

Как подтверждение этой любви длинный ряд русских характеров проходит перед нами в его очерках и повестях. Вот – старый солдат Мокеич – от него автор познавал на войне солдатскую науку. А вот – столяр детского дома Пал Ваньч, который “резал правду-матку в глаза” (“Земля русская”). Трудолюбивая Кирьяновна, которая “своим и обликом, и манерами, и речью напоминала о славе своей первой девки на селе” (“Крестьянский сын”). Заступник “за родное и такое беззащитное” Мишка Молчун (“В Топалках что-то случилось”)...

А с какой трогательной нежностью пишет он о матери своей Аксинье Васильевне: “Это она, как только встал я на ноги, вывела меня за порог, на зеленую улицу, в сад, в огород, а потом в поле, в лес. Она сказала: это стрелкава – обходи стороной, это смородина – ягоду можно есть, а это морковка, сладкий корень, – для тебя посадила. Она научила останавливать кровь из царапины листком подорожника, оттягивать жар холодной стороной мать-мачехи. Она показала, где плакала ночью по своим деткам кукушка, оставив на узорчатых листьях круглые светлые капли – кукушкины слезы. Научила резать ветки березы-веселки на веники, брать ягоду-журавину, искать гриб-боровик, учила видеть, думать, понимать. Учила не ломать, не топтать, не портить. Наставляла: не жадничай, бери, сколько съешь, другие после тебя придут, оставь им.

Устами матери опозитизированы природа и труд. Во всем она умела видеть красоту: и в обложных дождях, и в белых суметах, и в цветении сада, и в отбеливании холстов, и в молотье цепами ржаных снопов, и в трепке мягкого, струистого льна. Она находила такие слова, такие присказки, такие поверья, после которых мне непременно самому хотелось пойти с отцом топить дымную ригу, взять отрывающий руки кленовый цеп и молотить в лад со всеми снопы, сесть на грохочущую мялку и до одури в голове гонять по кругу лошадей. И удивительно, не чугунная тяжесть рук и ног, не тошнотворное кружение в голове запоминалось после работы, а поющая в сердце радость, словно его, ребячьего сердца, коснулось что-то нежное и красивое.

Теперь я понимаю, что в нас от отцов, а что от матерей. Отцы более прозаичны, они учили нас навыкам и трезвому смыслу, матери – поэзии. Хранительницей красоты в доме была мать”.

Может, потому, что он так любил землю, Васильев оказался прозорливее многих из нас, годившихся ему в сыновья. Он не проникся иллюзиями относительно фермера, “который накормит Россию”, и отчетливо предощущал беды, которые обрушат либералы на русскую деревню.

Так ведь и произошло. Вот очередная грустная история – о судьбе торопецкого совхоза “Подгороднее”. Ее рассказал мне неизменный участник праздников поэзии в Борках писатель Борис Лапченко. Не рядовое, известное в

области было свиноводческое хозяйство, когда руководил им Николай Андреевич Смирнов. Но в разгар перестройки ушел Николай Андреевич из жизни, и руководить совхозом доверили заезжему кавказцу. Свиноводство он рубанул под корень, технику распродав, людей оставил без зарплаты и надежды на будущее. Сколько таких примеров! Прежде, бывало, куда едут руководящие чиновники сельского района? На ферму, к утренней дойке, на машинный двор и на поле, где решается судьба урожая. Теперь же отлученная от созидания власть ездит на презентации и корпоративные вечеринки и талдычит об “оптимизации”, то есть о сокращении школ, клубов, библиотек, магазинов, почтовых отделений, целых населенных пунктов. Это и есть пресловутая капитализация, при которой холодный и циничный расчет новых хозяев жизни вытесняет из обихода уважение к человеку. Капитализация, вновь, как и век назад, берущая русскую деревню на излом, превращающая русского мужика в батрака-поденщика.

“5 сентября умерла сестра Нина, ездили в Кингисепп хоронить. Из родных остался я один”, – отметил Иван Афанасьевич когда-то в своем дневнике. Спустя десять лет ушел и сам – “последыш” васьинского рода. Не стало его на исходе 1994-го. Это было трагичное для России время. Год назад, по приказу Ельцина, расстреляли российский парламент. Разгоралась новая кавказская война. Ивану Афанасьевичу, думаю я, было гораздо больнее, чем нам, кто моложе его на целое поколение, осмысливать расстрел защитников законно избранного Верховного Совета, торжество олигархов, падение нравов, ублюдочность новой журналистики, развал деревни, кровь в Чечне... Эта непреходящая боль наверняка укоротила ему жизнь. Ведь и умер он 31 декабря 1994 года, в день устроенной Ельциным и Дудаевым кровавой бойни в Грозном, пресловутого “новогоднего штурма”. Так закончилась “перестройка”, на которую было столько надежд...

Хоронили писателя в сосновом бору на великолукском кладбище. Кусался морозец, но люди стояли с непокрытыми головами. Звучали слова прощания от Псковской, Тверской, Великолукской администраций. Но не было на проводах тех, кому Васильев был нужен на заре перестройки. Что ж, иных уж нет, а те далече. Возможно, они и не знали, что умер Писатель. Да и зачем им было это знать? “Если хочешь быть спокоен, не принимай горя и неприятностей на свой счет, всегда относись к ним на счет казенный”, – писал Козьма Прутков. Что ни говори, смерть человека многое проясняет в отношении к нему тех, кого он при жизни считал друзьями и единомышленниками.

Но важнее другое. Писатель выдержал испытание временем. Он был беспощадным исследователем общественных нравов, вдумчивым философом, мудрым политиком. Книги, статьи его в журналах и газетах воспринимались общественностью неоднозначно. У него были не только почитатели, но и завистники, недоброжелатели. Были люди, конъюнктурно прислонившиеся к его таланту. Сам он конъюнктурщиком никогда не был. Неизбежный разлад с властью привел его к окончательному отчуждению от общественной жизни и бывших коллег. Кому, как не Васильеву, было знать психологию газетного мира. Вчера, когда ты был вхож в административные кабинеты, в адрес твоих книг и статей расточались комплименты, а сегодня, когда власть начала на тебя коситься, ты в писательском и журналистском кругу что бельмо на глазу. Вспоминается мне, как многие бывшие коллеги Ивана Афанасьевича по “Калининской правде” восхищались им, ставили в пример его творчество на редакционных летучках, но – невзлюбило его чиновничество, и картина ментально переменялась.

Поддавшись искушению перестройкой, Иван Афанасьевич нашел в себе мужество вернуться на круги своя. “Беру на себя”, “Коренные и приезжие”, “Я люблю эту землю”, “В краю истоков”, “Открытие человека”, “Возвращение к земле” – то, о чём написал Васильев в этих и других своих книгах, в наши дни, пожалуй, еще более актуально, чем при его жизни. Спор материального и духовного, государственного и частного, отношение человека к земле и власти к человеку, ответственность руководителя, плановость и инициатива, предательство интеллигенции, сохранение памяти о прошлом... Эти темы не ушли из нашей жизни, а еще более обострились.

Последние публикации Васильева в “Советской России” – крик отчаявшейся души, но “перестройщики” его уже не слышали. Ни Горбачев, ни Яков-

лев, ни другие, звонившие ему в Борки, расточавшие комплименты, просившие совета... Его дневники "Только и всего" вообще не стали достоянием широкой общественности, хотя и являют собой пример яркой, талантливой публицистики. Не стали, потому что, как и все правдивое и талантливое, опасны для сделавшей опору на чистоган власти. Трудно не согласиться с Арсением Ларионовым, отметившим в предисловии к дневникам, напечатанным в журнале "Слово": "На моей памяти нет более яркого писательского примера, когда совесть человеческая вывела бы публициста на путь очищения он генсековской скверны, от всего подлого и омерзительного, что несут в себе ласки и двуличные обхождения на партийном Олимпе". В который уж раз перечитываю бескомпромиссные строки Ивана Афанасьевича:

"Рецептов два: отнять наворованное и опять всех уравнивать, либо воров не трогать и отдать им власть. Выбрали второй вариант: хватайте, жадные и вороватые, глотайте, кто сколько сможет. Из одной крайности в другую. А того не знают, что у человека есть и другая природа: он коллективист, он принадлежит к разряду "стадных", ему предписано жить сообществом. Так и искали бы "лечение" посредине, на сочетании двух начал, ан нет, дадим свободу вора, они живо ленивых вымуштруют. Не согласятся? Взбунтуются? Ничего, дайте срок, одних придавим, других приучим. Задури́м им голову, пообе́дем вокруг пальца и подведем к выводу: альтернативы нет. Это и есть тактика, она всецело в руках вождя и его шайки".

"Чем больше я, неся в себе веру в добро и правду и имея целью служение добру и правде, входил в мир чиновный, вникал в его заповеди, тем больше убеждался в его перерождении. И убеждали меня в этом вы, беспринципные "выгодники". Вас становилось гуще и гуще, вы пожирали мир веры и правды, как гусеницы капусту. Меня отвратило от вашего мира, он перестал быть для меня магнитом, он уже не притягивал интеллигентностью, тянул лишь чиновной выгодностью, а это было не для меня. Но и вернуться в свой исходный, крестьянский мир уже не мог, я только отступил к нему — настолько, чтобы не оборвалась совсем пуповина, чтобы не перестала она питать душу народной нравственностью, единственным противоядием от разлагающей выгодности мира чиновного".

"Страна, как загнанная лошадь, брошена. И на нее спущена стая шакалов, и своих, и забугорных. Ах, с каким вожделием, с какой жадностью и цинизмом кинулись они терзать еще живое тело! Ужасно видеть искаженные злобой и жадностью лица! Цинизм политиков передается народу, в людях исчезает всякое подобие совести. Таким букетом гадостей начинается капитализация России..."

"Когда-нибудь прозаики и поэты обратятся к поколению родившихся в первой четверти века и ушедших в последней четверти. Так пусть они знают, что этому поколению россов выпало два испытания на жизнестойкость, в юности и в старости: страшное поражение и сияющая победа — она придет и на этот раз, ибо солдаты уходят, сражаясь, а сражающиеся за честь не погибают!".

Тщетно надеяться, что затронут эти слова российских нуворишей. Глухи они к народной боли. Между ними и народом — полоса отчуждения и недоверия. Зато народ Ивана Афанасьевича слышит. Слышит, потому что крестьянский сын Васильев, как был с народом, так и остался. Остался даже после своей смерти. Пожалуй, наиболее сильно ощущаешь это, читая и перечитывая его "Раздумья". На первый взгляд, они — о разном. Но объединяет их все та же глубинная мысль — человек, оторвавшийся от своих корней, от памяти о деяниях своих предков, не способен творить, созидать, строить. Он быстро теряет стыд, поддается дурным влияниям, предавая и сдавая в угоду "сладкой" жизни то, что вершилось трудом предыдущих поколений.

"Наш путь тогда чего-то стоит, когда, на проселки свои возвратясь, не стыдно людям в глаза посмотреть".

Ивану Васильеву смотреть в глаза людям было не стыдно. Потому и память о нем прочна и долговечна. Праздник фронтовой поэзии, который ежегодно проходит в Борках, давно уже стал традиционным. Проторили дорожку в Борки Валентин Курбатов, Александр Бологов из Пскова, Александр Бобров из Москвы, Борис Лапченко, Евгений Сигарев, Михаил Петров, Иван Демидов из Твери, другие литераторы.

...Нарисовавшиеся в прозрачной дымке Великие Луки, от которых до Борков менее получаса езды, вывели меня из раздумий. В Борках, у музейного комплекса Ивана Васильева, было пустынно, однако наличие микроавтобуса с псковскими и легковушки с тверскими номерами свидетельствовало о прибытии гостей. Ага, вот и они – псковская поэтесса и прозаик Ирена Панченко, поэтесса Вера Сергеева, бард, поэт и прозаик Александр Казаков, еще несколько незнакомых мне людей.

Из прилегающего к селу леса вышел средних лет человек с мокрым веснушчатым лицом, оказавшийся секретарем Союза писателей России, поэтом из Пскова Станиславом Золотцевым (ныне уже, к несчастью, покойным).

– Икупался в озере. Прекрасное, необыкновенное ощущение. Кстати, ваши тоже где-то там, – кивнул он головой в сторону мерцающей внизу, среди голых деревьев, водной глади.

В тот раз тверское представительство выглядело в Борках весомым. За годя приехали из Твери поэты, секретарь Союза писателей России Евгений Сигарев и Иван Демидов, бард Людмила Gladковская, а из Торопца – публицист и книгоиздатель Борис Лапченко. В разговоре с псковскими коллегами мы не заметили, как подтянулся народ, – местные жители, друзья Ивана Васильева из Великих Лук, участники художественной самодеятельности.

Звучали патриотические стихи, песни, воспоминания ветеранов, и настроение мое, испорченное дорожными картинками, как-то незаметно улучшилось. “Нет, все не так уж плохо, – думал я. – Главное, сохранилась в нашем народе духовная сила, а это значит, что народ не сдался и рано или поздно скажет свое слово”.

Спонсором праздника, как нам сказали, выступила поклонница творчества Васильева из далекой Венесуэлы, но отнюдь не псковская власть, которая еще недавно активно помогала музею в проведении его мероприятий. Не было в Борках ни телевидения, ни радио, ни областной прессы.

Догадываюсь, почему праздник фронтовой поэзии в Борках начал раздражать высоких чиновников. Слишком уж разнится их хватательная философия с васильевской философией служения и сбережения. Тем более что Иван Афанасьевич Васильев никогда и не скрывал своего нелицеприятного отношения к “новой элите”. В повести “Накопление гнева” он размышляет: “Вот и опять в конце XX века, когда за плечами уже тысячелетний опыт поражений и побед – казалось бы, заучи, усвой, следуй! – так нет же, выползла из запечья мелочь тщеславная и начала свое поганое дело: ссорит народы, бегаёт по миру с сумой, зовет иноземцев-терзателей... Вглядитесь в их образины – не в лица, не в лики, а именно в образины! – опухшие, плешивые, косоглазые, будто сшитые пьяным портнягой из разномастных шматков, сутулые, угрюмые, писклявые и хрипатые – смотреть тошно: выродки какие-то! Продукт разложения, плод бездуховности. Наверное, и впрямь гнилое содержание не может обрести красивого вида – гнилье выпирает наружу и поганит облик. И как же много их, дегенератов, шизиков, неврастеников! И все рвутся в лидеры, все хотят быть наездниками, да чтоб не в одиночку гарцевать, а табуны за собой вести”.

И все же Васильев верит, что время “мелочи тщеславной” пройдет, что “...не в столицах, в глубине России встанет сила и возвратит отнятое у нас Отечество”. А мерилом всему должно стать не слово, а действие. “Нравственность имеет два уровня: сознание и отношение”, – подмечает он. В этом простом заключении – глубокий смысл. Писатель словно бы сигнализирует обществу: мало понимать суть происходящего и предаваться разговорам об этом, надо еще и конкретно действовать. Действие есть практическая реализация отношения.

Тревожные мысли одолевали меня обратной дорогой в Тверь, но жила в душе надежда на то, что сбудется пророчество писателя из Пскова Валентина Яковлевича Курбатова: “Все написанное и сделанное им было сделано живым сердцем. Жизнь себя покажет и в свой час раскроется во всей полноте, и не надо быть никаким пророком, чтобы сказать, что в следующие годы Иван Афанасьевич будет расти, и расти в сознании даже вчерашних противников, пока мера понимания этого человека не станет соответственной его действительному значению”.